

A close-up photograph of a woman's face, focusing on her eyes and nose. A silver knife blade is positioned vertically near her right eye. The background is dark and moody.

Лейлина Лина

18+

**Труп выгоревших
воспоминаний.
Книга 1**

Лейлина Лина

Труп выгоревших воспоминаний

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Лина Л.

Труп выгоревших воспоминаний / Л. Лина — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Яну Лаврецкую преследует компания из девяти школьниц. Первая неприметная встреча в кафе закончилась зверским расчленением убитой девушки. На месте преступления убийца оставил окровавленный пистолет без отпечатков пальцев. Яна уговаривает своего напарника взять это дело, однако здесь все не так просто, как кажется. Яну одолевают воспоминания о прошлой жизни, проведенной в рабстве. Она думает, что убийца - это ее надзиратель, которому отец продал девушку на три года в период с 14 до 17 лет. Но так ли юная журналистка близка к разгадке тайны? Или все-таки убийца находится намного ближе, чем думает Лаврецкая?

© Лина Л., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Лейлина Лина

Труп выгоревших воспоминаний

Пролог

Я сидела на стуле. Моя голова покоилась на моей шее, веки трепетали. Похоже, мне снился дурной сон. Мои руки сковывали кандалы, закрепленные на обоих ручках злосчастливого кресла. В мои вены вкололи иголки, которые позволяли наркотику попадать в мой организм. Наркотик двигался по кровеносным сосудам в организм, смешиваясь с моей кровью, притупляя мой разум, заставляя меня думать о нескончаемой дреме. Героин издавна считался любимым наркотиком надзирателя.

Я потеряла счет времени, не зная сколько часов или дней нахожусь в таком состоянии. Стадия очищения от гниения. Вот как называл этот процесс надзиратель. Им подвергались строптивые, не послушные девушки – воспитанницы. Я наивно полагала, что меня эта стадия не затронет, но, видимо, ошиблась. Все мы ошибаемся, когда позволяем увести себя незнакомому подошедшему к нам молодому человеку.

Мне с детства твердили: не гуляй в чужих дворах, не общайся с незнакомыми людьми. От этих разговоров никакого толку. Нужно было говорить: не соглашайся уходить со знакомым тебе человеком, которого не одобряют родители. И, по существу, они оказались правы.

Я бежала, мой отец бежал от надзирателя, когда понял, что продал свою единственную дочь в рабство. Теперь я понесу наказание не только за побег отца, но и за свой собственный. Я давно вышла из облюбленного надзирателем возраста. Но бежала, трусливо поджав хвост. Это стало моей ошибкой, за которую я теперь расплачиваюсь.

Я протестующее замычала, когда из моих вен вытащили иголки, а наркотик, к которому я успела привыкнуть, перестал действовать, возвращая меня вновь в живое состояние, позволяя мне открыть глаза.

– Яна, Яна... – Рука надзирателя скользнула к моему затылку, слегка приподнимая голову. – Стоил ли твой побег испытываемых тобой мук?

Я промолчала, невидящим взглядом смотря сквозь надзирателя.

Глава 1

Понедельник, 5 июня

Первое лето в Париже, столице Франции, встретило меня дождливыми днями. Раньше, я подумывала поехать на свою родину в Москву на летние каникулы. Решение остаться в столице влюбленных перевернуло мои карты. Я окончила первый год обучения и радовалась мрачным дням наступающего лета. Июнь в этом году не хотел радовать граждан солнечными лучами и теплом. Поехать учиться за границу была моя мечта. И я собирала чемодан с вещами быстрее молнии, когда обнаружила письмо о поступлении на своей электронной почте.

Сейчас я сидела в одном из любимых кафе и пила слегка остывший кофе. Кафе практически пустовало, а занятых столиков оказалось два или три. В последнее время, я полюбила уединенные кофейни. В частности, мне нравились и привлекали те, где не наблюдалось иностранных туристов, очередей практически не существовало, а официанты не грубили и мило общались с посетителем на чистом французском языке. Мой перерыв не подходил к концу, да и Олег позовет меня в срочном порядке, если для меня и моего напарника найдется громкое дело. Хотя, громкое это слишком сильно сказано. Похоже, прошлое дело о трупном переулке никто не заменит. Ведь в журналистике на одно громкое дело приходится около 30 тихих и ничем не примечательных.

За окном послышался легкий звук начинающегося дождя. Прохожие, спешащие по своим делам или на худой конец домой, поспешно как солдатики стали доставать зонты, а если зонта не находилось, то надевали капюшоны, скрывая свои лица. Дверь кофейни открылась, оповещающая своим приходом звоном колокольчика. Еще один посетитель вошел в заведение, чисто случайно попавшееся ему на глаза во время прогулки. Я не стала поднимать свои глаза на вошедшего. Все равно не запоминаю всех и каждого, даже если интерес посмотреть не пропадает, я заставляю себя продолжать смотреть в окно, попивая через трубочку свое кофе.

– Яна!

Я поперхнулась и закашляла. Мой напарник Людовик опустил на свободный передо мной стул. Мы с ним знакомы около года, а я уже ненавижу его всей душой. Жаль, что Олег не реагирует на мои мольбы и просьбы поставить меня в пару с другим человеком. Людовику тридцать лет. У него голубые глаза, черные волосы, слегка бледноватая кожа. Чистокровный француз, предпочитающий говорить исключительно на родном языке, но, нахально, понимающий мою идеальную английскую речь. Я люблю, ненароком, замечать удивленные лица прохожих, когда один говорит на французском, а другая отвечает на английском. Я знаю французский, но мне нравится злить своего напарника, слегка выводя его из себя.

– Людовик, – откашлявшись, поздоровалась я, стараясь стереть факт крика моего имени на всю кофейню, – я на законном перерыве. Сделай доброе дело, пожалуйста, сгинь.

Ежедневные перепалки входили в наш обычный график разговоров. Мы их использовали не только в ссорах. Мы практически жили ими, нередко разговаривая на повышенных тонах. Вот и сегодня, я хотела ненадолго изолироваться не только от общества в целом, но и от напарника. Эх, не получилось. В следующий раз поеду в малоизвестное кафе на другой стороне Парижа. Или, вообще, отправлюсь в Диснейленд, не забыв отпроситься больше чем на час законного перерыва.

Наше начальство – мечта любого сотрудника. Небольшой штаб, где работают сокурсники и Людовик. Олег – директор, босс и начальник основал агенство по раскрытию особо жестоких преступлений под давлением своего влиятельного отца. Варновски – старший мечтал о карьерном росте сына с пеленок. Он постоянно говорил сыну об открытии бизнеса. Поступив в престижный университет Парижа, Олег так поступил по совету отца и действительно задействовал все его ресурсы, привлекая к мозговому штурму не только меня, но и наших друзей Поула и Кариссу. Правда, Олег не решил открывать свое дело полностью под указку отца. Он не стал бросать учебу и возвращаться в Россию. Вместо этого получил необходимый пакет документов, зарегистрировал агенство и придумал ему специфическое название Могильный Памятник. Отец, узнав о выходе сына, пришел в ужас. Мы же, как только отпраздновали успешное заключение сделки, приятно удивились. Олегу не хотелось искать людей со стороны. Он привык, как и его отец, устраивать на работу проверенных людей. И поэтому выдал нам пропуск, заявив о визите знакомого со стороны отца. Естественно, этим знакомым и оказался Людовик. Варновски –старший попросил его присмотреть за нашей работой. Олег согласился. Все таки это именно его отец оплатил все счета на аренду, регистрацию агенства; взял на себя обязанность платить нам на первых порах зарплаты, не забывая о своевременном оплате обучения своего единственного чада в семье.

– Олег попросил держать тебя в поле зрения. – Без особой охоты спокойным голосом сообщил мне Людовик. – Я бы и рад уйти, но не могу ослушаться просьбы нашего мальчишки.

Людовик, единственный, кто мог спокойно назвать нашего начальника мальчишкой. Он чувствовал защиту Варновски – старшего и не боялся быть уволенным. Однако, я достаточно хорошо знала моего друга. Он мог сказать что угодно, но не это. Неужели Людовик принял на себя инициативу негласного хранителя? Но почему? Я ведь отлично знаю город. Успела выучить все главные улицы Парижа и неплохо ориентировалась по карте. За все время я поте-

рялась в столице Франции дважды. Да и то оба раза меня брали в заложники сошедшие с ума идиоты.

– Брось, – больше самой себе, чем напарнику говорила я вслух. – Меня не могут захватить в плен в третий раз.

Людовик хмыкнул, но промолчал. Я же стала смотреть куда угодно, но не на напарника. Дверной звонок вновь зазвонил. Я на этот раз посмотрела на входную дверь, надеясь увидеть Поула и Кариссу. Вошедшие посетители оказались всего лишь девочками, одетыми в школьную форму. Насколько я знала, в первый день лета некоторые зарубежные школы продолжают мучить и впитывать в одеревеневшие головы подростков знания. Мой взгляд с нескрываемым интересом наблюдал за действиями вошедших детей. На вид девяти девочкам было девять – десять лет, у всех поголовно волосы собраны в хвостик, блондинки, одеты в одинаковую школьную форму: белая свободная кофта, немного просвечивая детские бюсгалтеры, на шее красовался красный галстук, юбка в бело–красную шапочку, доходящая до колен и красные туфли на невысоком каблуке. На спинах синие рюкзаки, отличающиеся не только тональностью цвета, но и фирмой.

Нужно отдать моему напарнику должное. Он умел держать язык за зубами и давать мне время подумать. Думала я машинально быстро, стараясь сопоставить все действия блуждающих детей. В Париже редко родители оставляли своих чад, позволяя им прогуливаться одним по городу. Я встречала немало групп друзей в разном возрасте за прошедший год. Подростки постарше спокойно ходили вместе, а вот детей, пусть даже и группы друзей, сопровождали как минимум один или два взрослых. Взрослые шли в конце, не мешая детям осуждать интересные их темы, временами поглядывая на одного из своих чад, не забывая смотреть на других, но уже с меньшим интересом.

Здесь же я не видела взрослых. Посетители кафе сидели, смотря интересные видео в телефоне, слушали музыку, пили кофе или работали, уставившись в экран своего ноутбука. Но никто, кроме меня и Людовика, не присматривал за детьми, покупающими себе напитки и ища глазами удобный для их компании столик.

Я сидела за столиком, расположившись около окна. Если посмотреть на улицу, то спокойно можно увидеть вход в кафе. Взрослые люди медленно или быстро проходили мимо заведения, не удосуживаясь его своим взглядом. Я сделала глоток своего напитка и вновь посмотрела на девочек, заметив на себе заинтересованный взгляд Людовика.

Одна из девочек отделилась от группы. Она что–то сообщила своей подруге, стоящей ближе к ней, на ухо. Практика показала мне: даже в группе близких друзей у каждого второго есть свои секреты, не предназначенные для чужих, пусть и близко доверительных ушей. Девочка поставила свой рюкзак на стул и, обратившись к официантке, показавшей ей рукой на неприметный коридор, расположившийся рядом с кассой, поспешила там уединиться. Я была в этом кафе второй раз и знала куда направилась школьница.

– Ты прекрасно знаешь правила. – Строго произнес Людовик, замечая, как я поднимаюсь со своего стула и сверля меня взглядом.

Я неохотно села обратно, понимая всю абсурдность своих действий, но, не признавая правоту напарника. Конечно, я могла солгать, притвориться под необходимостью заглянуть в уборную. Лгала я слабо, мой голос время от времени дрожал, а руки в непривычке теребили распушенную капну рыжих волос. Людовик с легкостью мог разгадать мою ложь. Он успел изучить мои повадки, а вот свои замыслы прятал за семью дверями.

Отличие от меня, Людовик не первый год работал в сфере журналистики. Я отлично помню день, когда нас представили друг другу. Тогда Олег созвал нас на первый совет. Мы все, включая нашего патологоанатома Марину, уселись за небольшой круглый стол черного цвета в кабинете для переговоров, соединенный небольшим коридором, в конце которого располагался кабинет Олега. Олег встал рядом со своим стулом, расположенным во главе стола, и

оперся своими руками на поверхность стола. Он внимательно осмотрел каждого из нас. Олег скуп на приветствия. Он считал, что говорить приветствие каждый раз людям, которым доверяешь, пустая трата драгоценного времени.

– Мой отец связывался со мной сегодня, – без особых предисловий начал он. – Он сообщил о готовности нового сотрудника нашего агентства вступить в свою должность незамедлительно.

– И когда же нам ждать его появления? – Марина задала интересующий весь наш коллектив вопрос.

– Незамедлительно. – Незнакомый голос прозвучал как гром посреди яркого неба.

Мы все обернулись на входную дверь. Людовик назвал свое имя, официально представился и скривился, увидев в коллективе молодых и неопытных людей. Я помню, как он съязвил о своем нежелании здесь работать, но также поспешно добавил о невозможности оспорить свой отказ от должности перед отцом Олега, побоявшись остаться без должности и работы.

С тех пор Людовика заносило в разные ситуации. Он не признавал моего взрывного характера. Однажды, после первого моего похищения, Людовик сообщил мне в лицо что ему интересно работать со мной. Я не знала как реагировать на сказанное, поэтому просто промолчало, хотя его правда ударила по моему самолюбию.

Людовик глазами попросил официантку подойти к нашему столику. Я не знаю как у него это получается, но его все слушаются беспрекословно. Подошедшая девушка на ходу достала свой блокнот из кармана униформы и приготовила ручку. Ее глаза сияли задором. Я почувствовала легкий аромат нежных нот.

– Месье Шеннар. – Официантка улыбнулась уголками губ. – Вы давно не заходили в наше заведение.

Говорила девушка на французском, слегка косясь на меня. Ее легкая влюбленность в моего напарника витала в воздухе. Я с интересом наблюдала за возникшей неловкой ситуацией, считая себя третьей лишней. Разговор Людовика с официанткой шел довольно оживленно. Сначала они поговорили об ужасной погоде, потом о хамстве со стороны директора кофе. В основном девушка жаловалась Людовику, выплескивая все накопившиеся в себе эмоции, не забывая временами смотреть по сторонам, боясь быть пойманной и уволенной с поличным.

Людовик умел поддерживать разговор, временами вставляя свои непринужденные комментарии. Наконец, полностью наговорившись, официантка решила принять заказ.

– Будь добра, принеси мне американо и большой латте. – Вежливо попросил у официантки Людовик.

Официантка записала заказ в блокнот и поспешила к баристе.

– И давно ты имеешь желание общаться с местным персоналом? – С сарказмом в голосе спросила я.

– Мария дочь друзей моих родителей. – С легкостью объяснил Людовик. – Не в моих интересах, Яна, заводить случайные связи, а уж тем более общаться с подобными... людьми.

– Новые знакомства никому не мешают. – Не согласилась я с рассуждением напарника. – Любой нормальный человек ищет случайные связи.

– Что-то я не замечал твоего поиска случайных связей. – Подколол меня Людовик.

– Я эксперт по части неприятностям. – Пожала плечами я. – Случайные связи и неприятности не дружат друг с другом. И, зачастую, неприятности оттесняют случайные связи на второй план.

– Это я заметил, вытаскивая тебя из плена во второй раз. – Согласился Людовик.

Я закатила глаза. Мария принесла кофе и поставила обе кружки рядом с напарником, поспешив удалиться восвояси, утратив весь словарный запас и приступая к своей повседневной работе. Людовик пододвинул ко мне латте.

– Твой кофе уже успел остыть, а Олег пока не давал нам определенной работы. – Пожал плечами Людовик. – Можно спокойно посидеть в заведении еще пару часов, размышляя о том громком деле, распутанным полгода назад.

Я не отказалась от горячего, только что приготовленного кофе. Кофе было моей слабостью. Я могла пить его в любую погоду и время суток. Оно помогало мне проснуться, заряжая бодростью и оптимизмом.

– Здесь не о чем говорить. – Возразила я. – Патологоанатом издевался над своими жертвами, вырезая легкие и сердце. Сердце он коллекционировал, оставляя как трофеи. Жаль, но нам так и не удалось выяснить, что он делал с легкими убитых.

– Могу предположить о поедании органов. – Выдвинул свою теорию Людовик, отхлебывая кофе.

– Гадость. – Кусочек сахара упал в жидкость. – Кто в здравом уме станет есть органы умерших?

– Микроволновка явно стояла неспроста.

– Но ведь он мог разогревать принесенный обед из дома. – Мой мозг не торопился соглашаться с выдвинутой теорией.

Я вздрогнула, вспоминая наше первое дело. Оно вызывало вопросы, касательно отсутствия легких у жертв, попавших на стол патологоанатома. Администрация больницы, в которой работал патологоанатом, отрицало любые факты об отсутствии органов при осмотре тел. Дело быстро замяли, сославшись на отказные родственников и психическую невменяемость врача.

Любой, кто хоть раз занимался журналистикой, оставил бы закрытое дело и не возвращался к нему. Но я с Людовиком время от времени заводили неприятный разговор. В моменты особой секретности мой напарник переходил на английский, стараясь избегать мест скопления туристов.

Я отпила горячего кофе, оставив недопитый холодный напиток в сторону. Кофе хорош собой лишь в момент горячности. При остывании, он теряет свой вкус и пить его не доставляет никакого удовольствия. Я избегала холодных кофейных напитков, не понимая всей их прелести, заманивающей покупателей.

В кафе играла тихая ненавязчивая музыка. В Париже, чуть ли не в каждом втором кафе, можно услышать проигрывающие американские песни. Редко я замечала и вслушивалась в современную французскую музыкальную индустрию. Успокаивающую умиротворенность нарушил громкий хлопок. Мы с Людовиком переглянулись. Он нахмурился, отодвигая недопитый кофе. Я последовала его примеру. Мы знали звук выстрела из пистолета. Услышав его один раз вблизи, выкинуть из головы уже не возможно. Посетители заведения засуетились, стараясь быстрее допить содержимое своих напитков, не забыв расплатиться и покинуть заведение. За всем переполохом, мы не заметили, как из неприметного коридора выскочила фигура в черном плаще и, никем не узнанная, спряталась в потоке спящих людей.

Взволнованная Мария встала с выходом, преграждая путь к отступлению. Людовик кивнул мне в направлении уборных, а сам поспешил переговорить с официанткой. Обычно, я дуюсь несколько минут, прежде чем выполнить приказ. Однако сейчас была не та ситуация чтобы перечить. Я опрометью кинулась в скрытое пространство, проходя мимо застывших школьниц.

Я с шумом открыла дверь и замерла, прикрывая рот рукой. Рядом со мной на полу лежал окровавленный пистолет. От пистолета тянулись линии крови. Линии находились не только на полу. Они распространились по всему помещению. На дверном крючке повесили обезглавленное и расчлененное тело убитой. Телом назвать остатки живой плоти было сложно. Крючок спокойно выдерживал туловище. Две руки жертвы плескались в толчке унитаза. Отрубленная голова с вырезанными глазами покоилась в раковине. Ноги были мудрено засунуты в сушилку для рук.

Я видела подобную кровавую расправу лишь в кино. Я медленно спускалась по окровавленной стенке, гадая куда же убийца успел расчленить детский труп и где глаза жертвы. Под мышлением не заметила как отключилась, потеряв сознание.

Пробуждаться от мимолетного сна неохотно. Мой организм сначала борется с тряской, а потом и вовсе открывает глаза, оказавшись под струей холодной воды. Мать, отдавая меня в университет, причитала и предупреждала о боязни мертвых тел у сильно впечатлительных особах. Она не раз умудрялась поставить ударение в неправильных словах, заправляя за мое ухо прядь выбившихся из косички волос. Я же в свою очередь отговаривала маму, говоря ей, что вряд ли я буду заниматься опасными делами и, в ближайшее время мне это ну никак не светит. Знала ли я что сглажу? Нет.

Совсем открыв глаза, я увидела перед собой Людовика, присевшего на корточках и держащего пустой стакан в руках с невероятной для напарника заботой. Мои руки рефлекторно потянулись к макушке. Разумеется, волосы стали мокрыми, а по моему лицу еще капала непроизвольными каплями вода. Мой взгляд игнорировал протянутую руку помощи. Я посмотрела невидящим взглядом сквозь напарника. Дверь уборной оказалась заперта и перегороджена желтой лентой. Толпа людей топталась неподалеку. Они заинтересованно перешептывались между собой, временами поглядывая на нашу парочку, но спешить в коридор не собирались.

– На моей практике встречались случаи ужаснее, но я впервые вижу чтобы профессионал от увиденного терял сознание. – Спокойно резюмировал Людовик.

– Вместо своих язвительных комментариев, – не удержавшись, вставила я, – лучше бы помог мне встать.

Людовик без лишних слов протянул мне руку. Я приняла ее и резко поднялась. Моя заинтересованность не раз приносила мне неприятности. Вот и теперь, вместо счастливых посиделок в кафе, нам придется расследовать новое убийство, взяв это дело под свое крыло. Я без зазрения совести положила руку на плечо напарнику.

– Звони Олегу. Мы берем это дело под свое крыло. – С неподдельной уверенностью в голосе сказала я.

Людовик хмыкнул, стряхивая мою руку со своего плеча. Он достал телефон из кармана своего пиджака и начал набирать знакомый ему номер нашего дорогого босса.

– Надо было тебе все же разрешить сходить тогда в уборную. – Мимолетом отметил он, не отрываясь от экрана мобильного.

Я ударила его рукой по спине и прошипела:

– Не дожدهшься.

Мария протолкалась мимо заинтересованной толпы. Ее волосы растрепались, а помада на губах слегка размазалась.

– Я вызвала погребальную службу и закрыла двери кафе на ключ. Никто не сможет выйти из заведения до конца разбирательств.

– Ты связалась с родителями детей? – Спросила у официантки я.

Она кивнула, не удостоив меня взглядом, и продолжила разговаривать с Людовиком, который в свою очередь приостановил набирание телефонного номера Олега. Он не любил параллельно разговаривать с кем-то и трещать по телефону.

– Нам нужны еще камеры видеонаблюдения.

Мария опустила голову, а я слегка покачала головой. Ей не нужно оправдываться за отсутствие ума у администрации. Мы безмолвно переглянулись с Людовиком. Я уже знала, о чем он подумал. Отсутствие камер может усложнить нам расследование и научить меня всем тонкостям работы начинающей журналистки без словесного потока и прикрас.

Людовик махнул рукой, отпуская знакомую, а сам стал вести переговоры с Олегом. Я стояла, прислонившись к стене, и мимолетно наблюдала за изменением в лице моего напар-

ника. Он то улыбался, то хмурился, то качал головой, не забывая сверлить меня насмешливым взглядом. Однако не сказал Олегу о моем причастии к происходящему.

После небольших раздумий и отключение мобильного телефона, Людовик повернулся ко мне спиной. Он пролез сквозь опечатанную ленту и, одев на руки перчатки, открыл дверь. В коридор ударил неприятный запах начинающего разлагаться трупа. Людовик наклонился, поднял пистолет, вновь посмотрел на голову, прикидывая, куда могли деться глаза убитой, и, закрыв дверь, подошел ко мне.

– Действовал профессионал. – Подытожил он свой мимолетный осмотр места преступления.

– Ох, серьезно? – С наигранностью я преподнесла ладонь к губам, прикрывая их. – А я и не додумалась.

– Не драматизируй. – Людовик рассматривал пистолет, вертя его в руках. – Ты плохо играешь.

Я промолчала, сглотнув слюну. Начинать перепалку при таком скоплении свидетелей до приезда полиции лучше не стоит.

– Что сообщил тебе Олег?

– Мы беремся за дело. – Людовик взглянул на меня. В его глаза заплясал знакомый озорной огонек. – Правда, он уверен на 90% твоей виновности в случившемся.

– С какой это стати? – Я закашлялась от негодования.

– Твоя заинтересованность тебя погубит, Яна. – Оставил Людовик мой вопрос без ответа. – Пошли. Нам нужно опросить и отпустить начинающих злиться посетителей.

Мы довольно быстро справились с расспросом нескольких посетителей, которые находились в зале до прихода школьниц. Все, будто сговорившись, отнекивались и ничего не видели. Самая интересная часть началась при опросе школьниц – подруг убитой. Я не понаслышке чувствовала, что сезон самоубийств чаще всего приходится на весеннюю пору. В это нелегкое время года на подростков давит школа: невыученные уроки, подготовка к экзаменам, ссора с одноклассниками, непонимание со стороны родителей. Искать причин можно бесконечно. Результат не заставляет долго ждать и самые слабые личности, не находя должной поддержки уходят в мир иной.

В нашем же случае, самоубийство стало сразу отвергнутым. Мы оба слышали выстрел из пистолета, как выяснилось в ходе его изучения, нелегального и проданного по дешевке, скорее всего без лицензии на содержание.

Я немного знала о ходе мнения убийц свободно разгуливающих по планете. Они, как правило, выбирали осень, зиму и лето. Лишь начинающие убийцы забирали себе весну, граничащую с самоубийцами. Похоже, самоубийцы негодовали и боролись за свою территорию как могли. Совершенные убийства в промежутки всей весны быстро разоблачались, а потенциальных убийц засаживали в тюремные камеры на довольно продолжительный срок.

Я со школьных времен знала: нельзя доводить себя до подобного состояния. Нужно постоянно искать в своей жизни просветы светлых лучей. Они умеют неплохо прятаться, скрываясь за темной пеленой, но в конечном итоге все равно выскакивают на поверхность из недосягаемых глубин нашего подсознания.

Жаль, что я сама поняла это довольно поздно. Это понимание помогло мне не сделать рокового шага и убежать от потенциального рабства.

Мне известно как работает полиция. Я знаю, как работает Людовик, включая в себе кнопку до тошноты правильно скрытого полицейского. В такие моменты ему нет дела: кто сидит перед ним и кого он допрашивает. Ему необходимо докопаться до правды, ответов на заданные вопросы любыми способами.

В момент допроса я следила за мимикой отвечающих девочек. Людовик негласно взял на себя роль лидера, и я не возражала этому. Все таки, у моего напарника французский был

лучше, и он мог более детально сформулировать интересную мысль, не забыв задать вопрос таким образом, чтобы собрать недостающий пазл в возникшей головоломке.

Приехавшие полицейские не препятствовали допросу. Осуждающие, пришедшие в кафе родители, негодуя молчали, нервно поправляя на своих чадах растрепанные волосы или появившееся складки на платьях.

Закончив допрос спустя два часа, и, убедившись, что сотрудники морга отвезут разлагающееся тело в нашу лабораторию, мы уставшие вышли на улицу.

– Моя машина стоит неподалеку от заведения. – Людовик поднял голову к небу, не смотря на меня. – Олег просил нас заехать к нему как освободимся.

Я кивнула. Я могла бы проехать и на метро. На машине ехать до агенства несколько минут, а на метро поездка могла занять больше времени. Я выбрала наименьшее из зол. Медленным шагом, соприкасаясь друг с другом плечами, мы направились в наше любимое место в Париже.

Глава 2

Неприметные узкие улочки сменялись одна за другой. По улицам нескончаемым потоком неслись автомобили, не уступая свою силу нескончаемому потоку людей, идущих по тротуарам давно заученным маршрутом. Люди выходили на балконы поливать цветы, попутно наблюдая за прохожими, умело обходящими образовавшимися на асфальте лужи.

Дождь поспешил смениться пасмурной погодой, предоставляя возможность людям почувствовать теплый воздух пока еще не ощущаемого лета. Легкий ветерок покачивал листья деревьев и кустарников; птицы стаями перебирались с одного дерева на другое, временами садясь на пустующие крыши домов, ища себе самое лучшее место для отдыха.

Я приоткрыла окно, впуская в душный салон машины чистый воздух, незамысловато провожая прокрадывающиеся к горлу приступы тошноты. Тошнота – единственная проблема из – за которой я не собиралась получать водительские права. Когда я жила в Москве, мои родители заставляли меня садиться в машину, не принимая никаких возражений. Во время поездок я слушала музыку, льющуюся из динамиков наушников, пока родители разговаривали о возникших проблемах на работе, стараясь урегулировать их во время поездки.

Людовик нередко предлагал мне разделить с ним время, отведенное на тот или иной маршрут, требующий нашего совместного вмешательства. Бывали моменты, когда я хотела в середине дня побыть одна и подумать, не отвлекаясь на постороннее окружение. Тогда я отказывалась от предложения напарника и без угрызения совести спускалась в любимое метро. Мой напарник уважал мои желания. Он спокойно отпускал меня в нескончаемый поток спускающихся в метро людей, а сам садился в машину и в одиночестве ехал к месту нашего назначения. Людовик знал Париж как свои пять пальцев. Он умел без прелестей навигатора объезжать образовавшиеся в центре пробки, временами заставляя меня удивляться выбранным маршрутом. Напарник старался не превышать установленную властями максимальную скорость передвижения транспорта. Я не знала, как он ездил без меня, но со мной Людовик мчался осторожно и самоуверенно, останавливаясь на светофорах, пропуская проходивших мимо пешеходов.

Людовик остановил свою машину рядом с офисом Могильного Памятника и помог мне выйти из салона, галантно закрыв за мной пассажирскую дверь, не забыв включить оповещающую сигнализацию. Олег постарался на славу, придумывая будущее название для нашей организации. Он любил использовать в ход независимые и нигде не зарегистрированные названия, придавая им своеобразную оригинальность, которая в непростые для нас времена, приходилась нам не самой удачной затеей. Наш офис расположился на двух этажах арендуемого здания, включая прилегающих к первому этажу подвал, со временем обустроенный под небольшой

морг, естественно с разрешения хозяева здания. На первом этаже, помимо охранника, располагалось небольшое помещение по производству выпускаемого нами журнала раз в несколько месяцев. Над журналом работали Поул и Карисса, принося в него небольшую щепотку журналистского юмора. Но, к сожалению, журнал имел мало читателей, и мы подумывали о прекращении его действия. Второй этаж отводился полностью под кабинеты для наших расследований, в которых мы принимали непосредственное участие. Здесь нашли пристанище Олег, кабинет которого находился в конце коридора и считался самым большим, из-за прилегающего к основному рабочему месту небольшое углубление, где мы маленькой командой, состоящей из шести человек, устраивали собрания или обсуждали дела, требующее нашего непосредственного вмешательства. Олег, выходя из своих покоев, мог одним шагом очутиться у меня в кабинете или у Людовика. Чуть дальше кабинета напарника остановился в своем обитании Француа. Француа – наш компьютерный гений. Хотя я бы поспорила на этот счет, если бы решила поиграть с ним в игру, показав свое умение обращаться с компьютерами, открыв ему пару приемов хакерских взломов.

Мы поздоровались с охранником, удостоив его приветственным кивком, и без лишних слов поднялись прямо в кабинет Француа. Француа никогда не закрывал свой кабинет на замок, прекрасно зная, что его просто так тревожить не будут. Наш приход его не удивил, и вместо приветствия, друг решил перейти прямо к началу неприятного разговора.

– Новости разносятся как метеор. Стоит чему-нибудь произойти, как многие, находящиеся в радиусе километра, шушукаются, передавая новость, думая, что как в детстве играют в сломанный телефон. – Резюмировал Француа.

Француа любил заумные фразы, накануне отложенные в его голове после прочтения политического романа или интересующей колонки новостей. Не обязательно славиться гением чтобы понять: Олег уже сообщил Француа об убийстве.

– Новое убийство не сравнится с жестокостью, произошедшей в Трупном переулке. – Француа вынес свое заключение.

– Трупный переулок ничто не затмит. – Согласился Людовик. – Однако, у нас труп, выпотрошенный с невероятной жестокостью.

– Не с такой уж и жестокостью. Похоже, наш убийца только начинал убивать. Он решил выбрать жертву, не способную сопротивляться. Я не удивлюсь, если он готовится к более тщательно продуманному убийству. – Поддержала Людовик разговор.

– Убийство, совершенное без всякого мотива... – Я подхватила на лету рассуждения Людовика. – Не вяжется.

– Почему?

– Сам посуди: зачем кому-то, пусть даже начинающему убийце, сначала убивать свою жертву, а потом расчленять ее тело? И не просто расчленять, а извращенно укладывать все разделанные части.

– Иногда человек совершает злое деяние не думая. – Заметил Француа.

– Меня больше интересует куда он дел глаза убитой. – Людовик достал из пиджака пакет с пистолетом, положив его на стол своего друга. – Проверь его на наличии отпечатков пальцев. Если это действительно новичок, то он может оставить следы.

– Не факт. – Я не верила в реальное осуществление теории напарника. – Насмотревшись фильмов о детективах, которых сейчас пруд пруди в интернете, любой начинающий убийца, пусть следующий из практических и фантазийных соображений, может носить перчатки, не оставляющие следы на предметах.

– Просто согласись. – Людовик подошел ко мне вплотную и смотрел на меня вызывающим взглядом.

– И не подумаю. – Я скрестила руки на груди.

Я не верила в простые совпадения.

– Яна, Марина попросила тебя зайти к ней. – Француа прервал наш спор, грозящийся превратиться в очередной рабочий скандал.

Я кивнула, бес слов прощаясь с обоими, и поспешила к подруге. Лаборатория патологоанатома располагалась в подвале. В первый месяц нашей сплоченной работы, я с Мариной разговорила и крепко сдружилась. Марина единственная разговаривала со мной на русском языке. И я была ей за это благодарна.

Быстро спустившись, я открыла знакомую металлическую дверь и вдохнула трупный запах, имеющий примеси нафталина и чего –то еще, пока не опознанное моему носу.

– Я нашла глаза. – Сообщила мне Марина.

– Где?

Я подошла к трупу. Марина успела накрыть тело несчастной белой простыней. Подруга сняла медицинскую маску и перчатки, в которых проводила предварительное вскрытие.

– Не удивительно, что вы не смогли их обнаружить с первого раза. Убийца наполовину вырезал в молочных железах небольшие круговые отверстия и опустил туда глаза, пришив их к телу неровными швами, используя не стерильные инструменты, а самую обычную нитку черного цвета и иголку. Он торопился и решил после последнего стежка не отрывать иголку от нитки, оставив ее в теле убитой.

Я поморщилась. Слышать все подробности непросто, а увидеть их воочию, вдвойне жутко.

– Пошло ли заражение кожи?

– Нет. – Марина посмотрела на меня. – Не успело. Вы пришли с Людовиком к единому мнению?

– Нет. Он утверждает о новичке –убийце, набивающем руку на убийствах невинных, слабо сопротивляющийся давлению со стороны жертв. Я же склоняюсь больше к убийце – профессионалу.

– С одной стороны убийца действует как профессионал, обладающий неплохой фантазией, пусть и не без изъянов. С другой же стороны опытный убийца не стал бы оставлять иголку, не имеющую отпечатков пальцев в теле жертвы. Неровные швы могут говорить о непрофессионализме, правда, отрезанные части тела таких изъянов не имеют.

– А что если этот человек сначала продумал все преступление до мелочей, после содеянного расчленил тело, но не имел должного опыта в налаживании швов?

– Возможно. – Согласилась с моим рассуждением Марина.

Я посмотрела на лежащее передо мной тело. Марина постаралась максимально близко, и в то же время осторожно, соединить расчлененные части тела с туловищем. На туловище не оказалось посторонних порезов, отсутствовали синяки, гематомы и ссадины. Девушку никто не избивал. Меня пробирал небольшой озноб, когда глаза непроизвольно возвращались к молочным железам, из сосков которых на меня смотрели полные ужаса глаза. Я про себя поблагодарила убийцу, что он после совершенного преступления вернул одежду убитой на ее законное место.

– Органы на этот раз все на месте? – Поинтересовалась я.

Марина утвердительно кивнула.

– Ничего не удалено. Однако на спине я заметила свежий шов.

– Его оставил наш убийца?

– Нет. Шов был сделан незадолго до смерти.

– Это нам что–то дает?

– Фактически ничего.

Вынужденная беспомощность, медленно пробирающаяся к моим мыслям, бесила меня. Я озадачилась. В моей голове зарождались вопросы, не имеющие пока ответа. Могли ли девочки прийти в кафе специально? Допустим, но как они могли узнать, что я сегодня буду

находиться именно там? Почему они выбрали кафе? Пришли ли они всей группой или лишь ее частью?

– Жаль, что это не самоубийство. Было бы намного проще. – Не удержалась я и высказала свое предположение.

– Наверное, однако, самоубийца не стал бы расчленять себя и пришивать глаза к своим молочным железам.

– Без анестезии, возможно.

– Даже если он принял бы анестезию, Яна, при сильной потере крови самоубийца умер бы при первом или втором расчленении очередной части собственного тела. Отмену потери крови еще никто не отменял. Твоя настойчивость не отречься от твоих мыслей, пусть даже и самых непутевых, просто поражает.

Людовик появился в лаборатории, заставляя нас прервать развивающийся деловой разговор. У моего напарника отсутствовали базовые манеры этикета. Он редко стучал и спрашивал разрешения войти или присоединится к уже начавшемуся без него разговору. Ему казалось, будто все, что происходило до его появления, не имело весомости и значимости. Он мог спокойно прервать разговор, переводя его в другое, нужное лишь ему, русло. Сегодняшний день не стал для напарника исключением.

– Нашла глазки?

Марина кивнула и указала на молочные железы убитой. Людовик неотрывно смотрел на пришитые к молочным железам глаза. Он молчал пару минут.

– Оригинально. Такого я еще в своей практике не видел. – Заключил он, продолжая бегать своими зрачками по неровным швам и иголке, свисающей с правого соска жертвы.

– Девочка скончалась от пули.

– Уверена?

– А ты сомневаешься?

– Сомневаюсь. – Людовик скрестил руки на груди. – Мы сидели в кафе, когда произошел выстрел. Жертва отсутствовала минут двадцать. За это время убийца мог спокойно, без лишних звуков расчленить тело, и для отвлекающего маневра, создавая панику, выстрелить в девочку.

– Паника сработала. – Неохотно согласилась я. – Те немногие, кто находился в кафе, стали поспешно покидать заведения, боясь массового расстрела. После выстрела прошло минут пять от силы, когда Мария огородила единственный путь к отступлению. За пять минут провести полное расчленение тела, вырезать глазные яблоки и пришить их, раздевая жертву, одевая жертву, искусно засовывая ее части тела в неподобающие места, невозможно.

– Профессионал готов справиться с любой задачей, засевшей у него в голове и за три минуты. – Марина накрыла несчастную покрывалом.

– Куда выстрелил убийца? – Поинтересовалась я.

– Пуля прошла сквозь матку жертвы.

Мы переглянулись с напарником.

– Педофил?

– Возможно, он хотел лишиться девочку невинности, сделав свое грязное дело в неприметной женской уборной, но у него ничего не вышло. Тогда он от досады направил дуло пистолета в маточные губы и выстрелил. Девочка умерла от болевого шока. – Людовик остановился, переводя дыхание.

– Ты, прежде чем ввалиться ко мне, поинтересовался у Франуа, сколько раз стреляли из пистолета? – Спросила Марина, останавливая нашу перепалку мозгового штурма.

Я хмыкнула, потупив взгляд. Мы с напарником могли долго разговаривать, предполагая разные варианты развития произошедшего преступления. Если мы входили во вкус, что

бывало довольно часто, то остановить нас могло разве что чудо, очередное убийство или прерывание нашей перепалки Мариной.

– Француз медлил с ответом. Я не люблю стоять без дела, поэтому решил навеститься к вам. – Блеснул глазами напарник. Он повернулся ко мне. – Я отвезу тебя домой.

– Поеду на метро. – Отмахнулась от его предложения я.

– Ты поедешь со мной. Не хочешь к тебе домой, привезу к себе. Одну я тебя сегодня не отпущу. – Серьезным, не терпящим возражений тоном, произнес Людовик.

– Боишься, что попаду в неприятности, и меня опять похитят? – Брезгливо спросила я, морщась от перспективы провести остаток законно свободного вечера после трудового дня в компании несносного напарника.

– Ты притягиваешь неприятности как магнит, Яна. – Людовик посмотрел на лежащий в лаборатории труп. – Смотри, чем обернулось сегодняшние посиделки в кафе. Ты едешь со мной или ко мне. И это не обсуждается.

Я не удержавшись, оскалила свои зубы. Одно дело прерывать мой законный перерыв в кафе, натываясь на преступление, обвиняя меня в притягивание неприятностей; и совсем другое ставить меня перед фактом ненавязчивого приглашения на уютный вечер в компании напарника, не оставляя мне должного выбора.

– Ты не вправе диктовать мне свои условия касательно после окончания нашего рабочего времени! – Взвизгнула я.

– Я старше, опытнее и легко могу вывести тебя из себя. – Людовик явно потешался надо мной.

– Пижон. – Я сказала заветное слово, постоянно срывающееся с моего языка, на русском.

Людовик взял скальпель, провел по нему пальцем и вышел из лаборатории, громко закрыв за собой дверь.

– Ненавижу его. – Сообщила я Марине мое отношение к напарнику.

– Ты не просила Олега поменять себе напарника?

– Просила, но он уперся, своим не могу. Ссылаясь на неоспоримое решение отца и его неприкосновенность к делам своего сына.

– Резонное решение. – Марина убрала тело в холодильную камеру. – Раз вы прошли нелепую стадию отношений в кафе, то можно и пригубить бокал вина после нелегкого рабочего дня.

– Иногда мне кажется, что Людовик следит за мной. – Поделилась я с подругой. – В последний месяц я постоянно натываюсь на него во время перерывов.

– Он просто проявляет заботу со своей стороны. – Марина подошла к раковине и стала мыть руки. – Когда человек настойчиво присматривает за тобой, стоит дать ему заслуженного шанса.

– Шанса на что?

– Для начала на дружбу. – Марина выключила воду, протерев руки полотенцем. – Вы с первого дня знакомства излучаете один негатив друг к другу. Стоит кому то из вас бросить непристойное слово в адрес другого, как вы начинаете свою словесную перепалку. Яна, Людовик спасал тебя два раза. Постоянно срывался и оказывался на месте первым, не дожидаясь официального решения Олега.

Я молча слушала повествование Марины. В ее словах была доля истины. Людовик, при каждом моем похищении, не заставлял себя долго ждать. Он оказывался на месте после часа или двух часов моего заточения. Иногда мне казалось, будто он следит за мной. Жучка на своей одежде или в телефоне я не обнаружила, но, наверное, есть и другие неизвестные мне методы слежки.

– Ладно. – Я хмыкнула, не веря своим словам. – Твоя взяла. Похоже, пришло время пригласить Людовика к себе в гости.

– Постарайтесь отлично повеселиться. – Марина улыбнулась. – Не разговаривая о работе.
– Еще чего. – Я подмигнула Марине.

Я чувствовала затылком, идя к двери, как подруга сверлит меня взглядом и произвольно качает головой. Я спокойно вышла из лаборатории.

Сенсации не излагаются правдой. Большинство новостей, появляющихся в социальных сетях – выдумки, непроверенные факты или вообще не существующие новости, имеющие свойство вводить в заблуждение доверчивых читателей.

На первом курсе мы собирали утренние газеты, обязательно датированные свежей датой и штурмовали новостную колонку, отсеивая ненужное и обращая внимание на более или менее достоверное. Новость, звучащая не только на первых полосах бумаги, размножающаяся безумно ничтожным тиражом, по обыкновению заканчивающиеся к вечеру того же дня, обычно липовая. К ней стоит прислушаться лишь в том случае, когда новость начинает греметь из динамиков телевизора, да и то только тогда, когда выпуск срочных новостей прерывает транслируемый фильм или сериал, заставляя пожилых бабушек ворчать перед несправедливостью остановки интересного места в мыльной мелодраме. Остальные же новости так, мелкая сошка в пчелином рое вечно голодных ос.

Из лаборатории Марины, я направилась напрямик в кабинет Олега. Он созывал нас на совещание два раза в день. Когда я вошла в кабинет, Людовик, Поул и Карисса уже сидели за своими местами. Я поспешила примоститься на свободное место и стала ждать что же сообщит нам Олег сегодня.

– Многие известные журналисты, – начал он сегодняшнюю тираду словесного потока, – знакомые с моим отцом, мечтают перехватить взятое нами дело о зверски убитой девушке.

– Число конкурентов? – Скучающе поинтересовался Людовик.

– Трое. – Олег стал их перечислять, загибая пальцы на руке, но не называя ни имена сами журналистов, ни агентства где они работают. – Один не слишком знаменитый, так мелкая сошка, задолжавшая пару тройку тысяч долларов на раскрытие своего дела; один довольно влиятельный тип, чуть ли не метящийся в близкое окружение моего отца и довольно ненавистная особа, в недалеком прошлом опровергнутая моим отцом.

– Тройка придурков, старающаяся озолотиться благодаря Варновски – старшего?! – Людовик хмыкнул, постукивая ручкой по столу.

– Скорее прославиться. – Не удержавшись, поправила напарника я.

Олег смирил меня презрительным взглядом. Он редко встревал в наши перепалки. Зачастую все присутствующие смотрели на нас, ожидая почетного победителя произвольных дебатов. Сегодня Олег находился не в духе, и я поспешила прикусить язык, пока очередной выпад в сторону Людовика не сорвался с моих уст нескончаемым потоком.

– Мы не можем упустить это дело из-под наших рук. – Продолжил Олег, сверля меня останавливающим взглядом своих серых глаз. – С этого дня Яна, Людовик будет твоим личным телохранителем. Он станет встречать тебя утром, провожая не только на работу, но и забирать с работы, отвозя тебя домой.

– Почему Людовик? – Не стала молчать я. Несправедливость нахлынула на меня словно гром среди ясного неба.

– Он твой напарник. – Олег хмыкнул. – Отец попросил воздержаться от лишних преследований с твоей стороны. Он вынес прогноз о скором захвате тебя в плен. Мне пришлось слушать его тираду насчет снижения статистики из-за твоих выходов.

Я открыла рот, закрыла его, после некоторых раздумий под пристальными взглядами сотрудников Могильного Памятника, встала и без посторонних препятствий вышла из офиса.

Когда-нибудь моя дерзость меня погубит. Я это чувствовала, но ничего не могла с собой поделать. Человеческие эмоции могут быть непредсказуемы. Иногда необходимо держать язык за зубами и просто промолчать. Но что делать мне, если я не могу молчать? Легкий осенний

ветер освежал мои бурлящие мысли негодования. Потихоньку, я приходила в себя. Я повернула свою голову по направлению к своему дому, гадая пойти ли мне одной или подождать Людовика, принимая его решение провести вместе медленно надвигающийся вечер.

Мельком, на противоположной от меня стороне, я заметила знакомых школьниц. Все те же восемь девочек, с завязанными в хвост волосами, шагали попарно по своим делам. Решение пришло спонтанно. Утром, в кафе, Людовик взял на себя расспрос девочек и их родителей, огородив меня от действующего хода процесса. Похоже, школьницы вновь гуляли без сопровождения взрослых.

Я оглянулась на входные двери офисного здания. Людовик, как и все остальные сотрудники, находились на совещании. Звонить Людовику – потеря драгоценного времени и возможность упустить шагающую процессию. Я прикрыла глаза буквально на мгновение и, перебежав разделяющую нас дорожную часть, на которой оказался ничтожно маленький поток машин, на прилежном расстоянии стала следить за школьницами.

Они не теряли своего времени даром. Во время своего маршрута переговаривались не только с рядом стоящим собеседником, но и успевали кричать в конец–начало процессии, заставляя прохожих заинтересованно смотреть на них. Школьницы довольно долго петляли между переулками, старательно избегая не столько скопления большого числа людей, сколько выхода на центральные улицы города.

Такая тактика была мне понятна. На центральных улицах можно забрести в нежелательный переулок, столкнувшись лицом к лицу с педофилом или плохим дядей. Можно затеряться в толпе, потеряв своих друзей и долго блуждать среди незнакомых людей, спрашивая как лучше сократить дорогу до дома или же до своего места назначения, где заблудившуюся подругу с нетерпением ожидают друзья.

Моя злость окончательно испарилась. Буквально через полчаса преследования, я поняла насколько Варновски–старший был близок к своему суждению о захвате меня в плен. Однако логика родителей девочек у меня не укладывалась в голове. Утром убили их подругу и родителям необходимо продумать линию защиты своих чад. Как вариант, посадить их под родительский контроль, заперев ребенка или парочку дома. Лично я так бы и поступила. И похорошему лет до четырнадцати не выпускала ребенка одного на прогулку в большом городе, пусть даже и в компании его друзей.

Школьницы остановились на переходном переходе. Нескончаемый поток машин нёсся на самой высокой, допустимой для данного перекрёстка четырёх дорог, скорости. Светофор зелёного цвета неохотно замигал и, словно по щелчку пальцев, не забывая о перебросе на промежуточный, предостерегающий желтый, высветился невыносимый для машин, но долгожданный для пешеходов красный. Дети вместе, с успевшими набежать за несколько минут, взрослыми стали ускоренно переходить дорогу на противоположную сторону.

Как на зло, словно по трубившему року судьбы предрешенной грешницы, я не знала района где нахожусь. Предположительно, этот район являлся спальным и местами здесь мелькали таунхаусы, не уступая своего законного местонахождения расположившимся неподалёку многоэтажкам. Я любила исследовать новые места; по обыкновению доходя до места назначения, я поворачивала назад и с лёгкостью доходила до изначальной точки старта нового маршрута, поминутно откладываявшегося в моей голове. Мой неизведанный маршрут планировался заранее. Сначала вечером, сидя рядом с камином, осторожно попивая горячий какао, я изучала в ноутбуке не только карты Парижа, но и неизвестные мною кафе, в которых я за год пребывания в городе не успела побывать. На следующий день, я выходила в свой перерыв из офиса Могильного Памятника и напрямик шла, не забывая сверяться с картами, закаченными на телефон, или спрашивая на ломанном французском дорогу у прохожих. Волей-неволей после одной или двух выпитых кружек кофе, зачастую я любила баловать себя фирменным кофе заведения, я возвращалась обратно в офис, уже не спрашивая дороги и добираясь, практически, не смотря

на движущуюся уменьшенную точку меня на карте. Тут же складывалась немного нестандартная ситуация, и, чтобы выйти из неё, мне придётся вызывать, отрывая от дела, своего напарника, отлично знающего свой родной город.

Девочки остановились около заброшенного, нежилого, приготовленного под снос дома. Дом выглядел хлипким по конструкции, в меру устойчивой пятиэтажки. Похоже, застройщики жилого дома «озаботились» за сохранность жизни поселенцев и решили снести старый дом, построив на его место новый, более масштабный и вмещающий в себя большее количество влиятельных людей, готовые заплатить не маленькую сумму за сохранность своего здоровья и отдалённости от шумного центра города.

Группа школьников, прежде чем зайти внутрь, словно воровато переглянулись сначала между собой, якобы негласно подтверждая заранее принятое решение не пасовать и не бояться, оглянувшись напоследок по сторонам на проходящих мимо прохожих, юркнули в не загороженный досками и отсутствующим запрещающими заходить знаками, входную дверь.

В свои подростковые пятнадцать, шестнадцать лет, я бы с удовольствием, не раздумывая, поспешила забраться внутрь и исследовать не только интересовавшие меня этажи здания, а, по возможности, обхватить всю территорию заброшенного здания. Сейчас, в свои недавно исполненные двадцать лет, я скептически относилась к идеи школьников. Поэтому, взвесив все за и против, трясущимися руками достала из кармана джинс телефон и набрала телефон Людовика. Мой напарник ответил после первого гудка.

– Где тебя носит? – Бушевал он вместо приветствия, не совсем уместного ближе к подходящему вечеру.

– Олег хотел не потерять дело. – Проглотив колкость, пролепетала я. – Ну я и проследила за нашим объектом наблюдения.

– Яна, никакого объекта наблюдения нет.

– А как же школьницы? – Не поняла я ход мыслей напарника.

– Школьница, лежащая в морозильной камере морга – наше дело. Но вот остальные ее подружки, они к нам не относятся.

– Ты хочешь услышать куда они меня привели?

– Ну?

– Заброшенное здание в спальном квартале.

– Назови мне улицу, на которой ты находишься.

– Я не знаю. Рядом со мной ближайшего названия не значит.

– Опиши мне заброшенное здание. И, Яна, прошу тебя, не входи внутрь без меня. Иначе прогноз Варновски – старшего будет приведён в исполнении уже ближе к сумеркам сегодняшнего дня.

И я стала описывать то, что видела перед собой. Немного умолчав, о нарастающей тревоге и невыносимом волнении, я отключила телефонный звонок и отошла в сторонку, стараясь не привлекать к своей персоне излишнего внимания. Ведь если человек, стоящий рядом с заброшенным строением, довольно долго стоит на одном и том же месте, значит он по инерции может являться правонарушителем закона.

Я ждала Людовика около сорока минут. Меня от холода спасал тёплый ветерок, временами гоняющий серые тучи, заслоняя красивый голубой цвет неба. Предчувствие нарастало с каждой минутой все больше и больше. Такое состояние у меня появляется, когда кто-то старается меня похитить или о чем-то предупредить. Я сорвалась с места, заметив знакомую «Тойоту» напарника и чуть ли не в припрыжку подбежала ко входу, открыв скрипучую дверь одного из подъездов, выходящего на проезжую часть.

Людовик незамедлительно выбежал из машины, поставив ее на сигнализацию, и, мы вдвоём сумели протиснуться в проходной проем. Оказавшись в здании, мне в нос ударил едкий

запах плесени, смешавшиеся с запахом грибка и грязи. Я прикрыла нос рукой. Здания не исследовали около трех лет, и из памяти умудрилось выветриться удручающий запах подобных мест.

Вместе мы поднимались на третий этаж, в тишине слыша отдаленный стук наших кроссовок о ступени лестницы. Людовик остановился на лестничной площадке и прислушался, дал мне знак рукой следовать за ним и осторожно стал идти вглубь третьего этажа.

В середине мы заметили начерченную пентаграмму, с едва-едва затухавшими двумя восковыми свечами. Сама пентаграмма олицетворяла звезду, загнанную в круг. Людовик сплюнул, выругавшись. Я оглянулась. Мой взгляд упал на вырванный клоч золотистых волос, покоящийся в ближайшем пыльном углу.

– Яна, подойди к окнам. – Людовик стал на автомате выдавать задания.

– Зачем?

– Так... спокойнее. – Людовик посмотрел на меня, как на собаку, готовую уйти от хозяина. – Я осмотрю этаж.

– Не боишься, что сорвусь вниз? – Не смогла удержаться я.

– Ты слишком ценишь жизнь, чтобы сорваться вниз. По глупости, никогда не совершишь подобное.

Я промолчала, понимая всю правоту Людовика. Я любила жизнь и самостоятельно, пусть даже из вредности, не собиралась проверять сказанную теорию, идя наперекор не только Людовику, но и самой себе. Я осторожно стала продвигаться к окнам. Я не хотела подходить к сорванным волосам, беззаботно валяющимся в углу. Думала, Людовик сам их осмотрит, когда заметит. Мне самой брать грязные волосы без одетых на руки перчаток боязно.

Половицы пола скрипели, создавая произвольную, никем раньше не сыгранную музыку. И, если классическая музыка меня успокаивала, заставляя расслабиться и ни о чем не думать, то эта музыка навивала тоску и раздражала. Ведь включенную классическую музыку можно выключить в любой момент или переключить на более интересную мелодию, а здесь, в этом доме, такой способ, увы, не работает.

Окон на этаже оказалось два. И это лишь в той комнате, в которой мы находились ближайšie минуты. Зная по собственному опыту, заброшенные дома и разгромленные в них квартиры соединены между собой. На одном этаже, не переходя в другой подъезд, реально спокойно обойти квартиры четыре. Логика напарника иногда дает сбой. Видимо, он не знаком с миром заброшек и не знает всех тонкостей осмотра (в моем случае) окон. В любом случае, я осмотрю остальные окна лишь по приказу, а не по собственному хотению. Если здесь что-то есть, то оно там, где я нахожусь.

– Яна! – Крикнул Людовик из соседней комнаты. – Найди мне тело!

– Ты успел его потерять и остаться в живых?

– Тело не мое. – Фыркнул напарник. – Девочки.

Я закатила глаза, понимая неизбежность задержаться в здании на подольше. Раз существует свежий труп, значит, Людовик позвонит Олегу, прося разрешения на привоз тела в наш морг. Получив разрешение, Людовик сделает еще парочку звонков, а после увоза тела, нас заберут в офис на совещание. Стандартная процедура, которая на этот раз может привести меня к отстранению от дела. За год я успела изучить повадки друга. Он никогда не станет намекать на отстранение просто так. Есть намек, значит, есть причина. Там, где покоится причина отстранения, нахожусь я. Все должно происходить когда-то в первый раз.

Я осторожно пошла мимо окон на звуки ругани Людовика. Он бранился знатно, и, временами, мне хотелось смеяться в голос. Некоторые его непристойные слова стояли не к месту, но, напарника это никак не беспокоило, а я держала язык за зубами, прикусывая его зубами. Я вышла в небольшой коридор и свернула в просторную комнату, споткнувшись от увиденного. Теперь смех пропал, и я понимала всю выслушанную брань Людовика. Моему взору предстало сердце. Это сердце, сделанное из расчлененных рук и ног девочки, впечатляло и ужасало. Чем

больше я смотрела на сердце, не до конца понимая, как руки и ноги держались друг за друга так, чтобы не упасть пластом на пол. По– середине рук, показывающих небольшую выпуклость, свисала голова жертвы без волос. Голова крепилась к фалангам пальцев и висела на выпотрошенных кишках, вынутых из тела жертвы. В завершении композиции красовался окровавленный нож, вонзающийся в череп головы без волос.

– Яна.. – начал Людовик.

– Волосы там. – Еле слышно сообщила я, показав рукой на проем, из которого пришла. – В углу, рядом с окном, недалеко от пентаграммы.

Людовик осторожно обошел меня и скрылся в указанном направлении. Я стояла, не шевелясь, гадая: неужели одна из девяти подруг таким ужасным способом расправляется с девочками? Но зачем? Откуда она могла черпать столь живое и ужасающие представление о создаваемых композициях? Неужели она уже убивала? Или только учиться? Где она научилась расчленять части тела как профессионал? А что если она была не одна? Вдруг ей помогли и делали все по ее указке?

Я тяжело сглотнула, но сознание терять не спешила. Вместо этого, осторожно обошла сердце и подошла к окну. Выглянула из него и крикнула Людовику:

– Я нашла тело!

Тело бедняжки свисало на довольно тяжелых веревках, ударяясь шеей в стену здания. Я сделала глубокий вдох, игнорируя текущую не успевшую застыть кровь по стене, и отвернулась. Меня раздирало любопытство, рождая невольный вопрос в голове, который я задам Марине: как руки и ноги могут сохранять видимость сложившегося сердца? Они ведь должны за что–то цепляться.

– Я звоню Олегу. – Людовик вновь показался в проеме, убирая собранные волосы в пакет, а пакет пряча в рюкзак, все это время висящий на его спине.

– Я не против взять временный отгул. – Вставила я, видя, как напарник набирает неизвестную мне цифру быстрого набора на своем мобильнике.

– Не дожدهшься. – Он ухмыльнулся, взглянув на меня. – Мы взяли это дело вместе и распутаем его в команде. Увильнуть от расследования не получится.

Глава 3

Бабушка всегда говорила мне: молчи, когда тебя поливают грязью, иначе будет только хуже. Я находилась в кабинете Олега. Здесь была его скромная обитель, куда он никого из нас не впускал. И вот, теперь, после звонка Людовика, я стояла в его «секретном и недопустимом» месте. Нужно отдать должное моему напарнику. Он не оставил меня, хотя Олег не раз пытался выдвинуть его за дверь. Людовик как самый тяжелый кирпич прислонился к стене, не желая покидать накалённую до максимума атмосферу.

– Проследить за невинными девочками среди бела дня, Яна! – Причитал Олег, выпуская пар изо рта. – Ты хоть понимаешь, что без официального на то рапорта, это незаконно?

– Вы сами говорили...

– Да! Да, я говорил, нам нельзя упускать это дело, но, напомни–ка мне, давал ли я каких–нибудь прямых указаний, касательно оставшихся девочек?

– Если бы Яна не начала... – Попытался вмешаться Людовик.

– Если бы Яна не начала, – передразнил его Олег, – тогда у нас не было бы второго трупа!

Повисло умиротворенное молчание. Отчасти, я понимала негодование Олега. У нас появился второй труп и опять никаких улик. На догоревшей свече, которую мы взяли из дома как доказательство, обнаружены отпечатки пальцев нескольких человек. Эти люди не находились в нашей базе данных, а допросить мы их сможем лишь в течении этой недели. Детских отпечаток пальцев не обнаружено. Значит, выдвинутая мною версия, касательно одной малолетней убийцы из группы друзей, отпадает. Людовик, выслушав мое предположение, отрица-

тельно покачал головой, но, в то же время, попросил меня не только держать язык за зубами, но и не убирать эту версию в долгий ящик.

Когда мы приехали в офис, то первым делом поднялись к Француа, подарив ему окровавленный нож и свечи. Француа без промедления и лишних вопросов начал исследовать принесённые предметы, мимолетно сообщив о пистолете. Оказывается, из него стреляли дважды. Один раз в матку, второй раз в воздух для привлечения внимания. К Марине попасть мы не успели. По пути в морг нас перехватил разъяренный Олег. Интересно, сегодняшней, насыщенный событиями день, собирается заканчиваться?

– Никаких отпечатков. – Спокойным голосом пролепетал Олег, разминая виски указательными пальцами обеих рук. – Никаких, кроме вас двоих, свидетелей случившегося. Никаких наводок на потенциального убийцу. И звонок Кейтмана из психбольницы.

– Тебе звонил Кейтман? – Удивился Людовик, переглядываясь со мной. – Зачем?

– Наш «многоуважаемый» патологоанатом Френсис Кринман сбежал. – Пояснил Олег, понимая о проговорившейся новости. – Его поимкой и поиском занялись наши конкуренты.

– Как давно он сбежал?

– Два дня назад.

– И ты молчал? – Людовик перенял эстафету Олега и стал, буквально, закипать с пустого места. – Как такое можно держать в секрете? Он ведь каннибал!

– Каннибал. – Усмехнулся Олег. – Не доказано его участие в каннибализме. Да и убийцей бывшей врач не является. Так, самый обыкновенный психопат, любящий коллекционировать сердца покойников, от которых отказались родственники.

Я задумалась. Патологоанатом спалился, забыв уничтожить разрезанное мертвое тело, оставив его в морозильной камере. Его сменщик, пришедший на следующие утро на своё рабочее место, увидев разрезанное тело, незамедлительно сообщил об увиденном администрации больницы и вызвал полицию. Как мы прознали об этом деле, я уже и не помню, но мы прибыли в морг практически перед приездом полицейских. Зрелище оказалось жутковатым, а статья заворазживающей.

Я скрипнула зубами. По большей части это произошло на рефлексном пофигизме моей неудовлетворенности. Пофигизм всегда имел свойство появляться не вовремя. Возможно, ему давали толчки воспоминания о моем не слишком радужном детстве, не желающие покинуть мой разум как бы я не старалась. Возвращаясь снова и снова, во сне и наяву, к моменту моего подсознательного заключения и сдерживание моего разума, готовому подчиняться не моей, а чужой воле близкого для меня человека, воспоминания всплывали по не виданному мне щелчку пальцев или взмаху волшебной палочкой. Они будто давали мне некий толчок, говоря со мной, унижая меня и ставя в неловкое положение, заставляя принимать увиденное за действительность давно минувших дней.

Вопрос о смене города проживания на момент поступления в университет пришёлся как нельзя кстати. Мне необходима была смена обстановки. Я хотела начать свою жизнь с чистого листа, имея возможность максимально ограничить контакты и встречи с моим бывшим парнем, проживающей в нашей съемной квартире в Москве вместе с моей лучшей подругой, и постараться набраться отнятых сил, вернувшись в нормальное состояние. Была ли я сумасшедшей? Нет. Ходила ли я лечиться к психологу, поправив свои нервы? Да. Получила ли я нужный мне результат от смены зоны комфорта? Отчасти да, отчасти нет. Видимо эти факторы и способствовали проявлению выплёскивания агрессии в сторону Людовика.

– Гиблое место всегда имеет свои корни. – Выпала я невпопад ещё одно бабушкино заключение. На меня заинтересованно уставились две пары любопытных глаз, но я не собиралась идти на попятную, понимая всю безвыходность в оказавшейся ситуации. – Вам не кажется, что убийца нас хочет предупредить о надвигающихся событиях?

– По–моему, – хмыкнул Олег, – два оставленных трупа, дерзко выставленные в безрассудные композиции, это уже предупреждение, граничащее с безумием.

– В композицию был выставлен один труп. – Людовик поправил Олега. – Первую девочку всего лишь расчленили, а ее части тела засунули в произвольном порядке куда попало.

– Но даже над этим куда попало, убийца поразмыслил мозгами, прежде чем осуществить задуманное. – Олег сверкнул глазами. – А это, мой дорогой друг, достойно уважения.

– Мерзкая фантазия, граничащая с безумством, никогда не достойна уважения. – Не согласился с Олегом Людовик.

Я мысленно согласилась с Людвигом, не собираясь удовлетворять своего напарника лишним высказыванием. В детстве, садясь на обожаемое кресло в родительской библиотеке, я брала под Новый Год детективную историю. Мне не описать словами появляющиеся чувства при прочтении леденящей душу истории, придуманную любимым или пока неизведанным мною автором. Иногда, в безлюдные времена, когда мои родители уезжали отдыхать, оставляя на меня нескончаемый поток приходивших нянь, я закрывалась в своей комнате, забиралась на подоконник, закутывалась в любимый теплый плед и часами читала книгу. Моя любовь к детективам крепла с каждой прочитанной книгой и полюбившимся романом, который я умудрялась из родительской библиотеки приносить в свою комнату. Вот так, под впечатлением о прочитанных книгах, я стала журналисткой. Однако я не учла момента, что в книгах дела распутываются намного легче и быстрее, нежели мне показала практика в реальной жизни.

– Рабочий день на сегодня закончен. – Объявил нам Олег, махнув в произвольном жесте рукой, разрешая покинуть Могильный Памятник. – И, Яна, еще один труп по твою душу, мне придется отстранить тебя от этого дела.

Я кивнула, понимая всю серьезность сказанных слов. При официальном отстранении от дела, с подписанной бумагой и выговором Олега, Людовику придется заниматься расследованием самостоятельно. Людовик открыл передо мной дверь, пропуская меня вперед. Он осторожно коснулся моего локтя, а рядом со своим ухом, я почувствовала его теплое дыхание.

– Со мной или ко мне? – Словно невзначай, поддразнивая меня, поинтересовался Людовик.

– Ко мне. – Невольно ответила я.

Переступить запретную черту – легко. Я видела в Людовике лишь надоедливую напарника, пытающегося вечно переступить границу дозволенно проведенной линии личного пространства. Возможно, мне пора отпустить свое прошлое и постараться довериться окружающим меня людям. Я решила, спускаясь по лестнице в сторону выхода, что сначала составлю план снятия собственных оков, и освобожу свой рассудок от досужих ужасов восприятия окружающего мира, а потом, постепенно прибегну к его выполнению.

Я, садясь в машину, назвала адрес своей съемной квартиры. Всю дорогу мы ехали молча. Тишину нарушали лишь звуки мчащихся наравне с нами встречных машин. Легкий теплый воздух проникал сквозь щель приоткрытого окна, навевая на меня умиротворенное состояние души. Я прикрыла от усталости глаза, мысленно уговаривая свой организм не привыкать к хорошему чувству спокойствия.

Машина резко остановилась, заставляя меня проснуться. Первым делом я заметила, как Людовик сильно сжал руки, покоящиеся на руле. Он напряженным взглядом смотрел в темный угол, не замечая сигналящих гудков недовольных водителей.

– Людовик, ты... – Я старалась успокоиться, но у меня не выходило. То мимолетное состояние блаженного умиротворения прошло так же быстро как и появилось. – Какого черта ты остановился на середине дороги?

Людовик с сожалением посмотрел на меня. Его взгляд не выражал ничего хорошего, и я внутренне сжалась, приготовившись к худшему исходу событий.

– Наши давние знакомые свернули на указанную тобой улицу. – Сказал он, соизволив нажать на педаль газа и привести свою машину в движение.

– Наши знакомые? – Как дура повторила я, превращая сказанное в вопрос, удаляя из него лишнее и вылавливая лишь малую суть услышанного.

Естественно Людовик упоминал школьниц, решив слегка перефразировать их в знакомых. Это происходило у напарника на автомате. Похоже, Людовик принимал за знакомых всех подряд, кого успевал запомнить и повстречать в течении нескольких дней больше двух раз. Бывали случаи, когда Людовик считал знакомого серийного убийцу своим знакомым вплоть до скамьи подсудимых.

Людовик остановил машину около моего подъезда. Я не спешила выходить на улицу, понимая, что если напарник захочет проследить за школьницами, не скрывающимися в толпе прохожих и , словно маяк, маячившиеся перед нашими глазами, то меня отстранят от дела незамедлительно. Напарник, очнувшись и поняв всю безрассудность идеи, успевшей зародиться у него в голове, пришел к моему же выводу. Он довольно быстро и слажено расслабился, вытащил ключ зажигания и неспешно вышел из машины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.